

Ты

Тыходишь в реку, белая, как свет,
и темная, как тайна вековая.

Писать сонет? Да что тебе сонет -
тебе нужна поэзия иная,
какая - мне неведомо. Молчу.

Беспомощны слова мои и строки.

Заря тебя укутала в парчу,
и небо смотрит взглядом синеоким,
какходишь в реку, белая, как свет,
и темная, как тайна вековая.

И у меня тебе названья нет,
а если есть, то я его не знаю...

Лучшее случится

А знаешь, вновь придет весна,
а знаешь, вновь случится нечто,
но ничего не будет вечно,
и у всего своя цена...

И значит, надобно всегда
и щедрым быть, и терпеливым,
ведь даже стылый день дождливый
пройдёт и канет без следа.

Не жди награды дармовой,
не принесёт её жар-птица,
но знай, что лучшее случится,
когда совсем не ждёшь того.

Майское

Блеснёт и грохнет, щедрым ливнем
прольётся, крыши обласкав,
и солнце золотою гривной
вдруг снова вспыхнет в облаках,
и травяным горячим духом
повеет тут же от земли,
лопух встряхнётся лопухо,
и снова загудят шмели.
И этот гуд их басовитый,
и лопухий тот лопух,
и майский день, дождём умытый,
и гривна солнца, травный дух —
не просто буйство звука, цвета,
ещё чего-нибудь, Бог весть,
не счастья частного приметы,
а счастье именно и есть.

Утро

Когда окно растворено
и в нем рассвет едва забрезжил,
ты вдруг вздыхаешь стеснено
о том, что будет неизбежно.
Но слыша порсканье стрижей
и крик сороки длиннохвостой,
ты прогоняешь грусть взашей
и в сад прокидываешь мостик —
и входит новый день в окно,
и ты с улыбкой беспричинной
черкаешь в книжке записной:
а утром воздух пахнет тмином...

Лето

Выгорают на солнце ресницы,
и вихры выгорают на нём.

Лето дружески смотрит нам в лица
перед тем, как обрызгать дождём,
невесомым, по-летнему ярким,
семицветно горящим вдали,
где волшебная высится арка,
мостик к небу от нашей земли -
и зовёт пробежаться дорожкой
вверх по радуге, как до горы,
чтобы небо прохладной ладошкой
приголубило нас за вихры.

Летний дождь

Я был молодой, ты была молода,
хрустальная падала с неба вода,
мы были, как юные боги.

И лето звенело для нас серебром,
и солнце катилось по небу ребром
над вымокшей напрочь дорогой.

Не помню, куда нас дорога вела,
мне было важнее, что ты весела,
что смех твой звенит и искрится.

И я был готов до скончания лет
с тобою идти на закат, на рассвет,
лететь за тобою, как птица.

И нынче под летним обильным дождём
идём и его окончанья не ждём -
чего нам топтаться несмело?

Мы помним: под летней хрустальной водой
судьба нас свела неразрывно с тобой,
и солнце навечно согрело.

Восторг

Как зыбка марь над гладью океана, как под ногами золотопесчано,
что ветер напевает - не пойму, и как звезда одушевляет тьму?

...Есть чудеса, которых не постичь,
все объяснения - не более чем дичь,
не более чем чушь и ерунда.

Так было, есть, и будет так всегда,
и в век любой, в галактике любой -
застынет кто-то сам на сам с собой
при виде проявлений бытия
и выдохнет, восторга не тая:

Как зыбка марь над гладью океана, как под ногами золотопесчано,
что ветер напевает - не пойму, и как звезда одушевляет тьму?

Наедине

Мой день закатится клубком
в березовую рощу,
с реки потянет холодком
и ветер заполющет
туманным пологом зари,
сходящей с небосклона.

Заря неспешно догорит
и растворится в клёнах.
А я колоду подкачу
и у крыльца пристрою,
и посижу, и помолчу
наедине с Луною...

Запас на осень

На закате рубином горит бересклет,
что растёт на откосе.
Я всем телом вбираю малиновый свет -
запасаюсь на осень.
Будут снова идти затяжные дожди,
и под небом свинцовым
будет снова тоска по проселку бродить
в сапожищах кирзовых,
и туман волочить за собою густой,
и топтать в палисаде,
будет в окна стучать, чтоб пустил на постой,
но потом - не спровадить...
И когда вдруг покажется: сил больше нет
отказать - так ведь жалостно просит,
защитит лишь одно - тот малиновый свет,
запасённый на осень.

Осень

Я в осень влип
среди замшелых лип,
осколков их корон, шуршащих под ногами,
я в осень впал,
в ее волшебный пал,
который скоро занесёт зима снегами.

Меня зовёт,
как павший лист, в полёт
осенний зов
небес, щемящий и высокий,
и я лечу,
и осень мне поёт,
и небо зажигает на востоке...

А на пороге холода

Здесь неба толстое сукно
над полотном тумана,
видны в открытое окно
картины Левитана.
А на пороге холода –
придут к концу седмицы.
Гудят об этом провода
и подтверждают птицы,
и старый газик бортовой,
нагруженный дровами.
Товар по срокам ходовой
и дефицит местами,
но не у нас - здесь щедрый лес
и всем всего хватает.
И только летних жаль небес,
и птиц, что улетают...

Ковёр

Когда слетает палый лист
к своим братьям на аллее,
он пропадает, золотист,
среди иных, что золотее.
Но добавляется в ковёр,
что солнечно горел доселе,

ещё один мазок, узор,
едва заметный – еле-еле.
И мне вдруг кажется, что ткач
ковёр, украсивший аллею,
свернёт и унесёт – хоть плачь!
Но нет – не сможет, не посмеет!
Поймёт: не для себя творил
он это солнечное диво.
Гори, ковёр, - для всех гори
чистейшим солнечным отливом...

Отгуляла пурга

Отгуляла в приволье пурга,
и никак не могу наглядеться,
как слепяще сияют снега,
снегирями румяны по-детски,
как сиренево тени лежат
на искристых полях светоносных,
как багрянцем ласкает закат
в полушубки одетые сосны
Сколько зим у меня за спиной,
но всю жизнь, с самого малолетства
я смотрю на красоты зимой -
и никак не могу наглядеться.

Декабрь. Штрихи к портрету

Таков декабрь:
как поздний гость, придёт,
и засидится,
словно родич дальний, -
и просидит
весь месяц напролёт,

весь месяц
оставаясь актуальным.
А сгинет враз,
в один-единый миг,
под бой часов
и перезвон бокалов,
а с ним и год,
хотя ты не постиг
ни суть его,
ни знаков,
ни сигналов...

Снежное

Как падал снег...
Как будто бы слетали
медлительные белые шмели,
и горы ближе к дому подступали -
и по-собачьи рядом прилегли.
И мир затих...
И в безмятежье белом
был слышен шелест падавших снегов,
а дед курил и дымка голубела
над головой заснеженной его.

Гуси-лебеди

Что, в моём, сестричка, лепете
нет ни жизни, ни огня?
Улетают гуси-лебеди,
унося с собой меня
прямо в зарево багряное -
не бывает огневей...

Красный крест зияет раною
у тебя на рукаве.
Ты прижмись к земле, не вскакивай,
не маши рукой мне вслед -
взрыв сейчас взметнётся факелом,
для тебя погасит свет.
Ты меня, сестричка, слушайся -
ждут тебя еще бои...
Погляди, как в небе кружатся
гуси-лебеди мои.

Шёпот

В блиндаже фонарь качает,
тени пляшут на стене,
а боец над кружкой чая
что-то шепчет в полусне.
И летит чуть слышный шёпот
далеко от блиндажа,
от промёрзшего окопа
и от звёзд, что сторожат
эту степь, едва живую,
но не сданную врагу...
Что же шепчет он?
«Целую.
И вернусь.
Когда смогу...»

Удивительно

Знаю,
знаю -
жизнь моя большая,
вот и удивлён не понарошку:

как же,
как же
всю её вмещает
маленькая внукова ладошка?

Хочется в море

Жена говорит, что ей хочется в море,
мне хочется тоже, в ответ говорю.
Давай в этот раз, предлагает, на Кипре.
Давай, говорю, Кипр не хуже других.
Она: нам не нужно, чтоб шумно и людно,
на Кипре спокойно как раз в сентябре.
Не шумно?
Спокойно?
Не людно?
И ладно.
Тем паче, всего лишь на пару недель.
На пару - что к счастью, значительно меньше,
чем жизнь.
Потерплю.
Улетаем на Кипр.
Но мне в самолете не снятся ни пляжи,
ни тихие волны, что гладят песок -
мне снится кильватерный след за кормою
эсминца, которого в общем-то нет.
Он был - я-то знаю. И здесь, возле Кипра,
я с палубы видел отели вдали.
Ну, видел отели...
И что в них такого?
Тем паче, эсминцу и мне не до них:
мы – в море, а здесь не до пляжей, отелей
и прочей, простите, гражданской фигни.

Так было.
Так было...
И вот в переплавку
эсминец отправлен.
За выслугой лет.
Я тоже в отставке.
По той же причине - за выслугой лет.
И теперь
жена говорит, что ей хочется в море.
Мне хочется тоже.
Иначе, чем ей...

Трамвайное

Утром ранним, на вылете дня
из согретого ночью гнездовья,
мне трамваи приветно звенят
всем своим шепотным поголовьем,
и искрят, и на стыках гремят,
уходя в колеи поворотов.
Эй, друзья, захватите меня,
я прочту вам стихи из блокнота
про трамвайный сияющий рай,
где кондукторов нет и билетов,
где на каждый счастливый трамвай
по счастливому будет поэту.